

Примечания

- ¹ *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1973–1980. Т. 1. С. 495. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием тома и страниц в скобках.
- ² *Григорьев А.П.* После «Грозы» Островского // Григорьев А.П. Сочинения. Т. 1. СПб., 1876. С. 114.
- ³ Там же.
- ⁴ См.: *Лакшин В.* А.Н. Островский (1843–1854) // *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1973. Т. 1. С. 492.
- ⁵ Там же. С. 488.
- ⁶ *Седова Е.В.* «Сцены» и «Картины»: к постановке проблемы (на материале пьес А.Н. Островского) // *Драма и театр.* Тверь, 2002. Вып. 4. С. 40.
- ⁷ *Оснотин И.И.* *Драматургия Л.Н. Толстого.* М., 1982. С. 87.

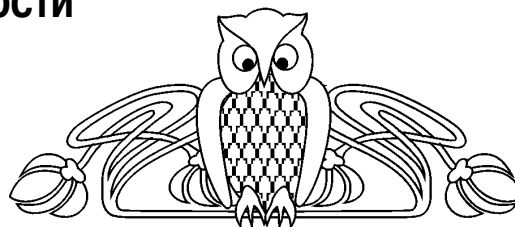
- ⁸ *Ходус В.П.* Ремарка в драматургическом тексте А.П. Чехова: стереотипичность и новые модели // *Изменяющийся языковой мир.* Пермь, 2001.
- ⁹ *Линин А.* Творчество А.Н. Островского. Ростов н/Д, 1937. С. 215.
- ¹⁰ См.: *Гаркави А.М.* А.Н. Островский – мастер сюжетосложения // *Жанр и композиция литературного произведения.* Калининград, 1974. С. 42–58.
- ¹¹ См.: *Агранович С.З.* Жанровое своеобразие «сцен» и «картин» в творчестве А.Н. Островского // *Проблемы истории и поэтики реализма.* Куйбышев, 1977. С. 108–118.
- ¹² *Седова Е.В.* Указ. соч. С. 43.
- ¹³ Цит. по: *Творчество А.Н. Островского.* М.; Л., 1923. С. 28.

УДК 821.111.09-4+929 Фаулз

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭССЕИСТИКЕ ДЖОНА ФАУЛЗА

С.А. Гарушьян

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: garushyan@mail.ru

Эссеистика Джона Фаулза прямо выражает его взгляды на проблему английской национальной идентичности – стержневую тему для романов писателя. В статье сопоставляются два эссе – 1964 и 1982 г., рассматривается свойственная Фаулзу оппозиция английскости/британскости, то, как неприятие Британской империи поддерживает его критику викторианской Англии. Называя себя космополитом, Фаулз заявляет, что единственная сфера, где национализм органичен и уместен, – это искусство.

Ключевые слова: Джон Фаулз, национальная идентичность, эссеистика.

The Problem of National Identity in John Fowles' Essays

S.A. Garushyan

John Fowles's non-fiction is marked by openness and sincerity in expressing his standpoint on the problem of Englishness, touched upon in his major novels. Two essays, from 1964 and from 1982, are compared to explicate the evolution of author's views on Englishness/Britishness, his hatred of the British Empire strengthening his critique of Victorian England. Declaring himself a cosmopolitan, he states that art is the only sphere where nationalism is natural and appropriate, for art is open, sincere and responsible.

Key words: John Fowles, national identity, essay writing.

В XX веке в философии, науке, искусстве происходит переосмысление концепции личности. Основное внимание уделяется постижению процесса самоидентификации личности. Трудность этого процесса заключается в том, что идентичность личности, т.е. «самоопределение личности по отношению к другим (другому), своим/

чужим»¹, не статична, находится в постоянном движении.

Идентичность имеет как постоянные характеристики (например, имя, половая принадлежность, родной язык, место рождения), так и изменяющиеся (гражданство, место жительства, профессия, религия). Существуют и коллективные идентичности: этнические, региональные, религиозные, половые и т.д. В зависимости от обстоятельств происходят изменения в структуре идентичности: смена преобладающих компонентов, возникновение новых, растворение старых.

Одной из разновидностей идентичности является национальная идентичность, понимаемая как совокупность «коллективных мнений, убеждений, настроений, которые характеризуют группу людей как нацию»². Именно это понятие приобретает особую актуальность в современном мире, находящемся под воздействием глобализационных процессов и противостоящего им антиглобализма.

Существует множество теорий наций и национальной идентичности. Этот вопрос изучался в рамках органицизма, модернизма, постмодернизма, этносимволизма, однако точка в этих исследованиях еще долго не будет поставлена – настолько предмет неоднозначен, обширен и сложен.

Национальная идентичность, как индивидуальная, так и коллективная, имеет иерархическую структуру: «верхний» слой – государственно-правовой, «нижний» – этнико-культурный. Выделяются также четыре аспекта национальной идентичности: исторический (нация имеет прошлое,

в котором происходили важные исторические события, нация также имеет будущее, перед которым несет ответственность); этический (люди, которые составляют нацию, разделяют некоторые черты, представления и принципы, которые отличают их от других); географический (данная группа людей прикрепляется к определенной географической местности) и культурный (общие ценности, вкусы, мироощущение). Совокупность всех этих факторов, а также то, как видят данную нацию другие народы, и составляет то, что, по словам М.К. Поповой, «в последние годы стали называть «английскость», «немецкость», «французскость», «русскость»³.

Большое значение для изучения национальной идентичности приобретает литература. Помимо того что литература используется как источник иллюстраций при исследованиях национальной идентичности политологами, культурологами и социологами, она фиксирует и формирует представления о национальной идентичности, и, разумеется, показателен сам выбор художественных средств, с помощью которых в литературе проявляется национальное начало. Категория же национальной идентичности, в свою очередь, служит способом понимания литературного процесса и отдельного произведения, категорией, все более востребованной в сегодняшней науке о литературе. В этом отношении представляется закономерным обращение к национальной проблематике в рамках изучения творчества английского писателя Джона Фаулза, тем более что тема национальной идентичности у него сквозная.

Сложность понимания национальной идентичности англичан заключается в сосуществовании двух феноменов: «британскости» и «английскости». Нетождественность этих понятий очевидна, однако трактовка их в значительной степени зависит от личности исследователя и от материала, с которым он работает. По мнению Пола Лэнгфорда, «поистине парадоксально то, что национальное государство, обладающее такой долгой историей и таким, по-видимому, обостренным чувством обособленности, могло быть настолько неуверенным относительно той нации или наций, которые составляют «Британию» <...> С точки зрения современной теории наций, вся эта риторика не более чем проявление английского империализма, создание централизованного государства на основе языка и образа британскости с тем, чтобы ослабить оппозиционные политические традиции и подавить национальные культуры»⁴. Сам исследователь так разграничивает эти два понятия: «Я намеренно не использую прилагательное «британский», описывая те характерные черты и особенности поведения, которые были преимущественно английскими, несмотря на то, что так поступали даже современники независимо от их национальной принадлежности. Причина этого проста. Трудно

найти какую-либо предположительно британскую особенность, которая на деле не совпадала бы с предположительно английской особенностью. Не менее трудно отыскать некую особенность, характерную для одной из так называемых кельтских наций, которая бы не являла собой полной противоположности английской особенности. Английский характер был той движущей силой, которая подавляла кельтские претензии, когда надо было определить, что же делает Британию британской, точно так же, как англичане в свое время оттеснили самих так называемых кельтов к северной и западной окраинам Британских островов. Что же касается государственного устройства или правительственных институтов и обычаев, разделяемых представителями всех составных частей Британии или даже Британских островов, то здесь более уместно прилагательное «британский», даже если иные англичане неохотно пользуются им»⁵.

Обратим внимание на традиционное противопоставление кельтов и англосаксов, поскольку Фаулз, изучавший в Оксфорде французскую литературу и влюбленный во французскую культуру, часто использует «кельтскую» проблематику и образы в своих художественных произведениях, особенно в сборнике «Башня из черного дерева». Но делает он это в поисках истоков «английскости», именно к сути английского национального характера он ищет ключи в своих больших романах. Однако в его творчестве есть два эссе, которые посвящены исключительно проблематике национальной идентичности; рассмотрим эти прямые высказывания Фаулза о «британскости» и «английскости».

Как большинство писателей его поколения, на чьих глазах в середине XX в. происходил столь болезненный для национального самосознания процесс распада Британской империи, Джон Фаулз решительно противопоставляет «английскость» и «британскость». Более того, он стремится показать, что «британскость» не имеет никакого отношения к тому, что на самом деле составляет национальный английский характер. Как сказал писатель в одном из интервью, «я ненавижу Британскую империю, британский флаг, королеву. Но к англичанам у меня другое отношение. Англия для меня – это особый пейзаж, особый язык, особое поведение»⁶.

В своем понимании того, что значит быть англичанином, Фаулз исходит из собственной концепции личности, основанной на принципе свободы и суверенности при осознании необходимости «принять ограниченность собственной свободы, принять собственную изоляцию, принять эту ответственность и изучить свои собственные способности, а затем с их помощью сделать целое человечнее»⁷. И такие черты как одержимость личной свободой, обостренное чувство человеческого достоинства, нравственная щепетильность, нонконформизм, индивидуализм мышления и

поведения являются, по Фаулзу, константами английского национального характера.

Исследованию феномена «английскости» писатель посвятил свое эссе «Быть англичанином, а не британцем», опубликованное в 1964 г. на заре его литературной карьеры. В последующих своих произведениях Фаулз будет развивать идейные приоритеты, заявленные в этом эссе.

В эссе – два центральных образа: Зеленая Англия как квинтэссенция английскости и противостоящая ей Красно-сине-белая Британия как средоточие всего того, что английскости чуждо.

Зеленая Англия имеет две составляющие: географическую и мифологическую. Тот факт, что Англия по существу своему – остров, объясняет обособленность англичан, позволяет им быть наблюдателями в большей степени, чем участниками происходящего в мире. На эту особенность обращали внимание практически все исследователи английскости как у нас, так и за рубежом (например, М.В. Цветкова, М.К. Попова, Л. Колли, К. Уилсон)⁸. Еще в 1760 г. О. Голдсмит сказал: «Англичане не в меньшей степени отделены от остального мира окружающими их морями, чем отличаются от него своими манерами, нравами и стилем мышления»⁹.

Мифологическая составляющая основывается на легенде о Робин Гуде – «единственной национальной легенде, которую знали каждый англичанин и каждая англичанка, начиная по меньшей мере с 1400 года»¹⁰. Миф о Робин Гуде строится на принципе «сокрытия», бегства в метафорические зеленые леса. В представлении Фаулза здесь речь идет о таких английских поведенческих и психологических чертах, сущность которых может быть выражена известной формулой: «мой дом – моя крепость». Англичане предпочитают переживать свои эмоции, желания, излишества, экстазы вдали от чужих глаз, в убежище, открытое выражение чувств этой культурой не приветствуется. Отсюда их умение скрываться за маской, симулирующей согласие, когда они не согласны, улыбаться, когда они испытывают ненависть, говорить нечто абсолютно противоположное тому, что они на самом деле имеют в виду. И лишь в искусстве («наедине с собой – среди деревьев») проявляются «богатство воображения, чувство юмора, меланхоличность, холерический темперамент, чувство горечи, сентиментальность, собственнический инстинкт, искренность, чрезмерная и осложненная сексуальность, способность глубоко погружаться в личные переживания – все характерные черты, <...> нашедшие свое выражение в одном из самых откровенно английских документов – в сонетах Шекспира»¹¹.

Зеленая Англия так или иначе есть в творениях всех великих англичан – художников и музыкантов, писателей и поэтов. В произведениях Фаулза непременно присутствует некая «заповедная» территория (например, остров Фракос в «Маге», поместье Котминэ в «Башне из черного

дерева» и т.д.). Это уединенное место вдали от цивилизации, где воображение ничем не связано, не ограничено: здесь, в пространственной и временной изоляции от общества, герой постигает себя и смысл своей жизни.

Безграничная любовь, которой пропитано каждое слово Фаулза о Зеленой Англии, сменяется столь же безграничной ненавистью по отношению к военной, империалистической, ханжеской Красно-сине-белой Британии. Этот образ создавался на протяжении веков, а во время правления королевы Виктории прочно укрепился в литературе и сознании людей. Поэтому не удивительно, что «до сих пор наши представления о подлинно английском, о чертах национального характера основываются на тех стереотипах, которые окончательно сложились в эпоху викторианства: английская чопорность и сдержанность, образ настоящего английского джентльмена, верность традициям, консерватизм, четкая стратификация английского общества, нелюбовь к иностранцам»¹².

Фаулз ставит диагноз Британии: мания величия, мания справедливости, вялость этики, моральный ступор (нужно заметить, что такая характеристика будет поддержана и в последующих произведениях писателя, например, в романе «Женщина французского лейтенанта» он также поставит диагноз викторианской эпохе: «клаустрофилия» – боязнь всего открытого). Этим он показывает, насколько неоправдана лелеемая многими англичанами донныне ностальгия по утраченной империи.

Британия воспитывала своих граждан на мифе об исключительности и могуществе англичан, умело эксплуатируя при этом некоторые черты, изначально им присущие, в результате чего они приобрели прямо-таки гротескный вид. Так, английское стремление к справедливости стало оправданием стремления к силе и власти. Фаулз так говорит об этом: «...грязные английские средства всегда в конце концов получают отличную возможность очиститься изнутри, благодаря добродетельности английских целей. Вот это очищение и прямо-таки пуританская увлеченность идеей справедливости и есть для меня квинтэссенция английскости»¹³. Но это не та «английскость», в которую верит автор, оттого и говорит он о ней с большой долей иронии и даже неприязни. Отсюда и такие эпитеты для англичан периода империи: «так ужасающе, так фригидно справедливы», «высокомерно справедливы», «ханжи все до единого»¹⁴. Фаулз высмеивает эти «типично английские» черты, пусть ставшие общим местом и воспринимаемые как очевидные, однако, как он показывает, навязанные англичанам извне и коренным образом им чуждые. И потому в романе «Маг» главный герой Николас, «сто-процентный англичанин», обречен пройти через испытания, чтобы очиститься от всего наносного и ненастоящего для обретения себя подлинного.

Так ранний Фаулз решает «Великую Английскую Дилемму», которая долгое время являлась причиной глубокой неуверенности англичан относительно национальной идентичности после распада империи и образования на ее обломках Содружества наций.

Восемнадцать лет спустя он, уже давший в романах и прозе разностороннее исследование английского характера, вновь вынужден обратиться к жанру эссе для высказывания на эти темы. Война с Аргентиной за Фолклендские острова, «маленькая победная война», которой так гордились правительство М. Тэтчер и официальная пропаганда, заставляет писателя прибегнуть к оперативному публицистическому жанру. Результатом становится эссе Фаулза 1982 г. «Фолклендские острова, или Предсказанная смерть».

Несомненно, писатель был потрясен бессмысленностью и трагизмом событий на Фолклендских островах. Однако эти события вполне в духе времени. Причины произошедшего он видит, во-первых, в глобальной проблеме человечества – перенаселенности: «Перенаселенность, со всеми тревогами, какие она с собой несет, создает для властной элиты – правой или левой – прекрасную возможность найти любые оправдания, использовать любые рычаги управления. В экстремальных ситуациях она служит оправданием и терроризму, и введению чрезвычайного положения»¹⁵. Во-вторых, это невообразимо широкое распространение массовой медиа и гегемония рекламы, делающей внешний вид важнее качества продукта.

С помощью этих средств оказывается воздействие на самую древнюю сферу человеческого сознания, отвечающую за удовлетворение примитивных потребностей и за выживание («весь этот комплекс инстинктов и ощущений, которые мы получаем в наследство как от нашего доисторического, так и исторического прошлого, эту древнюю кладовку видового сознания, доверху забитую тотемами и фетишами, страхами и невежеством, эгоизмом и недомыслием»¹⁶). Фаулз называет ее «древняя душа». Ее легко активизировать – для чего требуются всего несколько националистических лозунгов, несколько фраз и образов, – потому что она работает на уровне инстинктов, которыми человек не может управлять – они ведут его. Вот так народ Британии (самой старой и многоопытной из всех демократий мира) «вдруг превратился в не что иное, как племя людей каменного века, в благоговейном ужасе взирающее на шамана»¹⁷.

XX век показал, насколько еще сильно в нас первобытное начало: власть ритуала и жажда власти, жажда новых территорий за чужой счет, стремление мстить врагам и инакомыслящим, самоназначенные «олигархии», ксенофобия. Миром управляет темное, злое, животное начало, и при этом всему человеческому, индивидуальному не остается шансов на выживание.

Более всего писателя тревожит положение в Британии. Принято считать, что после 1945 г. и распада империи родилось бесклассовое, открытое, «реалистическое общество». У Фаулза это утверждение вызывает лишь горькую иронию: если бы так было, то ситуация с Фолклендами была бы просто невозможна, как невозможно было бы и само правительство в стиле миссис Тэтчер. В качестве доказательства он упоминает о наличии в Великобритании всеми почитаемого «кланового тотема периода неолита» – института монархии. Правда, больше всего Фаулза удручает не само его наличие, а марионеточная роль монархии: «Беда конституционно укрощенной монархии в том, что ей приходится, согласно воле тех, в чьих руках реальная власть, по первому требованию становиться то жокаком шовинистической банды, то тамбур-мажором заселения страны, превратившегося в miles gloriosus¹⁸, то зарвавшимся воякой»¹⁹.

Писатель выносит приговор Британии. Если в раннем своем эссе он говорил лишь о том, что сам не желает быть британцем, то теперь сама Красно-бело-синяя имперская Британия не имеет права на существование. Она – дело истории, фикция: «Мы не можем вечно двигаться в будущее задом наперед: слишком высокую цену приходится платить за пустую видимость, хоть она и представляет собой весьма пышное зрелище»²⁰.

Национализму нет места на плечу человечества, иначе человечеству грозит небытие. Фаулз снова приходит к этой мысли через двадцать лет после того, как в «Аристосе» он написал: «Истинная сфера применения национализма – это не политика, а искусство и культура»²¹. Только настоящие художники в силу своей профессии могут в полной мере осознавать и предвидеть, какой мощью могут обладать слово и образ и как могут быть последствия, если использовать их мощь во зло.

Тема национального у Фаулза реализуется своеобразно, как бы от противного. Писатель идет по пути разрушения сложившихся в отношении англичан стереотипов. Даже представления англичан о самих себе он подвергает критике, а подчас даже осмеянию, обвиняя их в неспособности трезво и открыто взглянуть на положение дел. Свою позицию автор высказывает предельно открыто, без обиняков, что подчас звучит грубо, оттого, видимо, что предмет обсуждения чрезвычайно его тревожит. Фаулз не является политически нейтральным писателем, несмотря на его заверения о непринадлежности ни к одной из существующих партий, но и политизированность его произведений возрастает, как мы увидели на примере рассмотренных эссе. Если в первом эссе есть положительный образ Зеленой Англии, противопоставляемый «военной, империалистической» Британии и Европе «обжигающего, черного, цинического опыта»²², то во втором осуждается любой национализм как угроза существованию

человечества на земле. В то же время это вызывает подозрение об авторской игре с читателем. Например, отчаянно отстаивая в себе англичанина в рассмотренных нами эссе, он забывает о том, что практически одновременно, но в другом эссе утверждает, что он и англичанином-то быть не хочет, что он – мега-европеец (а это для него и Европа, и Америка, и Россия, и те страны, где, по существу, европейская культура²³). Так Фаулз всегда остается верен себе и никогда не может быть до конца понят – открыт – читателем, его тексты следует воспринимать в динамике пост-модернистского плюрализма.

Примечания

- ¹ Кабанова И.В. Теории национальной идентичности // Филологические записки: Вестн. литературоведения и языкознания. Вып. 24. Воронеж, 2006. С. 210.
- ² Там же.
- ³ Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж, 2004. С. 24.
- ⁴ Langford P. Englishness Identified: Manners and Character 1650 – 1850. Oxford, N.Y., 2000. P. 12–13.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Цит. по: Цехановская Л. Английский национальный характер в романе Джона Фаулза «Дэниел Мартин» // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1986. Вып. 727. С. 96.

- ⁷ Фаулз Дж. Аристос. М., 2002. С. 412.
- ⁸ См.: Национальная ментальность и национальные литературы в (пост) имперскую эпоху / М.К. Попова, П.А. Бороздина, Т.А. Тернова. Воронеж, 2006. С. 20.
- ⁹ Цит. по: Национальная ментальность... С. 21.
- ¹⁰ Фаулз Дж. Быть англичанином, а не британцем // Фаулз Дж. Кротовые норы. М., 2004. С. 150.
- ¹¹ Там же. С. 156.
- ¹² Фадеева С.А. Образ викторианской Англии и проблема национально-культурной идентичности в романе Р. Олдингтона «Дочь полковника» // Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX в.: Лекции и материалы Зимней школы. Т. 2. Воронеж, 2000. С. 81.
- ¹³ Фаулз Дж. Быть англичанином... С. 145.
- ¹⁴ Там же. С. 146.
- ¹⁵ Фаулз Дж. Фолклендские острова, или Предсказанная смерть // Фаулз Дж. Кротовые норы. С. 180.
- ¹⁶ Там же. С. 181.
- ¹⁷ Там же. С. 184.
- ¹⁸ Славные воины (лат.).
- ¹⁹ Фаулз Дж. Фолклендские острова... С. 187.
- ²⁰ Там же. С. 188.
- ²¹ Фаулз Дж. Аристос. С. 284.
- ²² Фаулз Дж. Быть англичанином... С. 157.
- ²³ Фаулз Дж. Я пишу, следовательно, я существую // Фаулз Дж. Кротовые норы. С. 39.

УДК 821.161.1.09- 31+929 Пастернак

РОЛЬ ИМПРЕССИОНИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ В РОМАНЕ Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Л.И. Ермолов

Саратовский государственный университет,
кафедра новейшей русской литературы
E-mail: lelik_star@inbox.ru

В статье рассматривается роль импрессионистических приемов в характеросложении, сюжете и композиции романа «Доктор Живаго»; значение импрессионистического стиля для создания художественной реальности произведения.

Ключевые слова: Пастернак, «Доктор Живаго», импрессионизм, субъективный, стиль, впечатление, изменчивые переживания, поэтика.

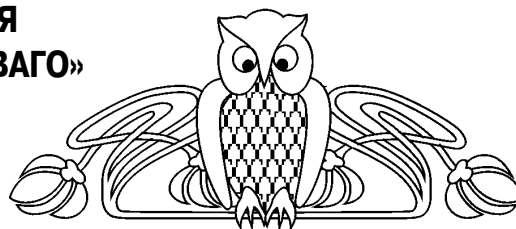
Impressionistic Style in B. Pasternak's Novel «Doctor Zhivago»

L.I. Ermolov

This article analyzes the role of impressionistic devices in making characters, plot and composition of the novel «Doctor Zhivago»; the importance of impressionistic style in creating the novel.

Key words: Pasternak, «Doctor Zhivago», impressionism, subjective, style, impression, changing emotions, poetics.

О влиянии импрессионистического стиля в художественных произведениях Б. Пастернака,

особенно в романе «Доктор Живаго», свидетельствуют замечания в статьях о литературе, письма разных лет. Вот как он говорит об этом в письме к Курту Вольфу: «то, что для французских импрессионистов значили воздух и свет, и то, как они писали увиденное, а не названное, – это для меня единый и всеобъемлющий принцип, или мое собственное устремление»¹. И далее: «сама жизнь охвачена стремительным движением» и в ней «все присутствует и совершается, будто это нескончаемое вдохновение, выбор и свобода. *Стиль моего письма, моя поэтика посвящены усилению и передаче этой стороны действительности, ее общего потока (курсив мой. – Л.Е.)*»².

«Импрессионизм (от фр. impression – впечатление) – одно из направлений в искусстве, основанное на принципе непосредственной фиксации художником своих субъективных наблюдений и впечатлений от действительности, изменчивых ощущений и переживаний»³. В этом определении